

Афгано-пакистанский конфликт на фоне Иранской повестки

Комментарий Центра АРВАК, 04.03.2026

Аннотация

АРВАК анализирует резкую эскалацию военно-политического конфликта на афгано-пакистанской границе в феврале-марте 2026 года. Исследуется корреляция между боевыми действиями в районе «линии Дюранда» и началом американо-израильской военной кампании против Ирана. В работе рассматриваются последствия данного конфликта для стратегических интересов КНР, в частности, угрозы реализации «Китайско-пакистанского экономического коридора» (КПЭК), а также анализируются риски вовлечения региональных акторов в сценарий широкомасштабной дестабилизации («войны всех против всех»).

Ключевые слова: *афгано-пакистанский конфликт, Иран, КНР, КПЭК, «линия Дюранда», ТТП («Техрик-и-Талибан Пакистан»), Талибан, региональная безопасность, геополитическая стратегия.*

1. Эскалация на афгано-пакистанской границе: региональный контекст

Интенсивные боевые действия, инициированные утром 28.02.2026 Соединенными Штатами Америки и Израилем против Исламской Республики Иран, отодвинули на второй план другой географически близкий военный конфликт – афгано-пакистанский. Между тем данный конфликт, предположительно, имеет непосредственное отношение к событиям вокруг Ирана, а последствия его потенциального разрастания могут оказать существенное влияние на общий баланс безопасности в обширном Центрально-Азиатском регионе.

Эскалация напряженности на афгано-пакистанской границе последовала за серией террористических актов, произошедших в феврале в Исламабаде и провинции Хайбер-Пахтунхва. В организации данных инцидентов пакистанские власти обвинили экстремистское движение «Техрик-и-Талибан Пакистан» (ТТП), аффилированное с афганским Талибаном.

21 февраля 2026 г. Исламабад нанес авиационные удары по предполагаемым базам указанной группировки на территории Афганистана. В ответ на это 26 февраля 2026 года Кабул инициировал крупномасштабную наземную военную операцию против Пакистана практически по всей протяженности так называемой «линии Дюранда». К настоящему моменту столкновения демонстрируют признаки полномасштабной войны с применением артиллерии, авиации и дальнобойного ракетного вооружения. Ключевым индикатором критичности ситуации может служить тот факт, что вооруженные силы Талибана поразили ракетами ядерный полигон в провинции Хайбер-Пахтунхва и Пакистанскую военную академию сухопутных сил (Pakistan Military Academy) в Абботтабаде – главный военно-учебный центр Исламской Республики Пакистан.

2. Причины нарушения статус-кво: внешний фактор

Таким образом, перемирие, достигнутое между Кабулом и Исламабадом в 2025 году при посредничестве Турции и Катара, оказалось нарушено. В данном контексте заслуживает внимания тот факт, что активизация боевых действий на афгано-пакистанской границе произошла всего за два дня до начала американо-израильской кампании против Ирана. Примечательно также, что террористические акты,

организованные «Техрик-и-Талибан Пакистан» и ставшие катализатором вспышки конфликта, были осуществлены в период интенсивного переговорного процесса по иранской проблематике, а также сопутствующей ему активной переброски американских военно-морских и военно-воздушных группировок на Ближний Восток. Принимая во внимание объективное стремление Исламабада и Кабула к поддержанию хрупкого перемирия до февральской серии терактов на пакистанской территории, представляется обоснованным предположение о возможной внешней инициации данной провокации.

3. Трансформация «Талибана»: идеологическая дивергенция

Вопреки утверждениям Исламабада об аффилированности «Техрик-и-Талибан Пакистан» с властью в Кабуле, представленной военно-политической элитой афганского крыла движения Талибан, прямая связь и координация этих двух структур в настоящий момент не прослеживаются.

В период своего зарождения в середине 1990-х гг. движение «учащихся медресе» в среде пуштунов, проживающих по обе стороны афгано-пакистанской границы, — движение Талибан — представляло собой монолитную организацию. Его деятельность как в Афганистане, так и в Пакистане координировалась из единого центра, расположенного в пакистанском городе Кветта, где находилась штаб-квартира основателя организации Мухаммеда Омара и его соратников, впоследствии вошедших в состав Верховного совещательного органа Талибана – «Рахбари Шура» (Верховный Совет).

После прихода к власти движения Талибан в Кабуле и перехода его деятельности в плоскость государственной политики руководство движения претерпело постепенную трансформацию политического мышления и идеологии. Пакистан, спецслужбы которого, по утверждениям экспертов, содействовали созданию данной группировки, утратил влияние на ее афганское руководство. В свою очередь, правительство Талибана и его военные структуры существенно ослабили контроль над пакистанским «филиалом», который постепенно приобрел статус самостоятельной структуры. В этих условиях контакты «Техрик-и-Талибан Пакистан» с внешними силами и специальными службами государств, стремящихся обозначить свои интересы и участие в процессах в ключевом Центрально-Азиатском регионе, стали практически неизбежными. Пакистанское крыло Талибана формально сохраняло связи с центральными органами в Кабуле и в определенной мере пользовалось их покровительством, что, однако, гипотетически не исключает возможности осуществления «Техрик-и-Талибан Пакистан» самостоятельных действий, нередко вступающих в противоречие с интересами центральных органов в Кабуле. Вместе с тем не следует полностью исключать и причастность правительства Талибана в Афганистане к февральским террористическим актам на пакистанской территории.

4. Угроза логистическим коридорам и интересы Пекина

Независимо от того, кто является истинным инициатором и заказчиком эскалации на афгано-пакистанской границе (правительство в Кабуле или спецслужбы третьих стран), очевидно, что новая горячая фаза данного конфликта дестабилизировала «иранский тыл» непосредственно перед началом конфронтации против Тегерана, спровоцированной Вашингтоном и Тель-Авивом. По сути, речь идет о блокировании

сухопутных маршрутов из Китая в Иран, по которым до недавнего времени осуществлялись поставки в ИРИ товаров военного назначения и продовольствия, дефицит которого ощущался населением страны в связи с очередным резким скачком инфляции в последние месяцы. Учитывая, что подходы к Персидскому заливу уже продолжительное время блокированы силами американского флота в Индийском океане и Иран лишен возможности полноценной коммуникации с одним из своих ключевых геостратегических союзников – Китаем, значение афгано-пакистанских маршрутов, ведущих из ИРИ в КНР, в последние месяцы критически возросло для Тегерана. В настоящее время они фактически перекрыты вследствие интенсивных боевых действий, география которых расширяется с каждым днем.

Сложившаяся ситуация может свидетельствовать не только о потенциальном подрыве маршрутов снабжения Ирана, но и о целенаправленном блокировании гипотетической возможности прямой переброски Китаем своих военных сил в помощь Тегерану в случае, если развитие конфликта Ирана с США и Израилем и возникшие новые обстоятельства подтолкнут Пекин к принятию подобных решений.

Таким образом, афгано-пакистанский конфликт поставил перед ИРИ и КНР проблему нарушения коммуникаций, что потенциально может негативно отразиться на способности Тегерана выдержать продолжительный военный удар американо-израильского тандема.

5. Риски дестабилизации регионального баланса

Афгано-пакистанский конфликт затрагивает геостратегические интересы Пекина даже при отсутствии его прямой корреляции с иранской повесткой. Боевые действия на афгано-пакистанской границе ставят под угрозу безопасность масштабных энергетических и логистических проектов Китая в регионе, в частности, железнодорожного маршрута в рамках программы «*Китайско-Пакистанского экономического коридора*» (КПЭК). Данный маршрут призван соединить китайский Кашгар (Синьцзян-Уйгурский АР КНР) с пакистанским портом Гвадар на побережье Индийского океана. Этот стратегически важный для КНР и Пакистана коридор пролегает вдоль всей афгано-пакистанской границы и в непосредственной близости от «линии Дюранда», где фиксируются наиболее ожесточенные столкновения между вооруженными силами Исламабада и талибами. Угроза безопасности этого коридора, на строительство которого китайские государственные фонды, а также частные и инвестиционные компании выделили не менее \$50 млрд, не может не вызывать обеспокоенности Пекина, равно как и судьба китайских проектов по освоению медных рудников и залежей редкоземельных металлов на территории Афганистана.

Учитывая тесное взаимодействие Пекина с талибами в Кабуле и Исламабадом, а также наличие комплексных стратегических и геоэкономических интересов в обеих странах, Пекин не может позволить себе резких действий в отношении вспыхнувшего конфликта. Открытая поддержка какой-либо из сторон исключена, а скрытое проведение политико-дипломатической линии в интересах одного из двух партнеров представляется маловероятным. Любая ошибка на данном направлении может привести к девальвации влияния КНР и, в конечном итоге, к утрате контроля над регионом, который Пекин на протяжении многих лет стремится превратить в

надежную площадку для выхода в Передний Восток и к западной части Индийского океана, выстраивая тем самым альтернативу своим морским путям в Индо-Тихоокеанском регионе, оказавшимся под угрозой.

Очевидно, что Пекин детально анализирует мотивы и прослеживает причинно-следственные связи нового витка конфликта между Кабулом и Исламабадом, стремясь выработать четко аргументированные предложения для его урегулирования. На данный момент МИД Китая ограничился заявлением от 27.02.2026, содержащим призыв к обеим сторонам проявлять сдержанность и сохранять спокойствие.

Следует ожидать скорой активизации властей КНР на афгано-пакистанском направлении, поскольку временные и ресурсные возможности Пекина для урегулирования ситуации в указанном регионе сокращаются. Иран уже находится в зоне повышенной напряженности, и прогнозировать продолжительность его сопротивления внешнему давлению не представляется возможным. С другой стороны, ряд аналитиков прогнозирует скорое возобновление активности радикальной исламистской группировки «Вилаят Хорасан» (она же «ИГИЛ Хорасан») в Афганистане, перешедшей в подполье после поражения от «Талибана» и, вероятно, стремящейся воспользоваться текущей ситуацией для реванша.

По информации ряда международных СМИ, имеются также сведения о том, что значительная часть экстремистов, освобожденных из курдских тюрем в Сирии, в настоящее время перебрасывается в Афганистан с целью расширения географии дестабилизации. Кроме того, в ближайшей перспективе на юге Ирана и Пакистана может произойти массовая активизация белуджей, которые заявят о готовности начать вооруженную борьбу за независимость. Таким образом, для спецслужб некоторых заинтересованных западных стран и Индии формируется уникальная возможность спровоцировать в регионе масштабную и кровопролитную войну всех против всех, в ходе которой исламистские группировки, сепаратистские движения, племенные и клановые объединения вспомнят о давних «обидах» и вновь предъявят претензии на свои большие и малые доли в региональном распределении влияния.

Перед Китаем стоит серьезный и опасный вызов. Его вынуждают переключить внимание с иранской повестки на афгано-пакистанскую проблематику. Однако в подобном случае утрата Ирана Пекином в обозримом будущем вновь спровоцирует дестабилизацию в указанном регионе, поскольку позволит недружественным силам вплотную приблизиться с запада к территории, имеющей стратегическое значение для обеспечения безопасности континентального тыла КНР. Эксперты затрудняются дать точные прогнозы, но ожидают подготовки и, возможно, реализации нестандартных ответных действий со стороны КНР.